

ПЕПЕЛ КОРРЕКЦИИ

Мария Коваленко

Пепел Коррекции

<https://litres.ru/74163494>

SelfPub; 2026

Аннотация

Время – самый дорогой товар. А чужие слёзы – самая прибыльная валюта.

2050 год. Мир, который научился продавать прошлое. Корпорация «Коррекция Инвест» отправляет эмиссаров в прошлое, чтобы те изменяли судьбы людей за деньги. Они не убивают. Они просто делают так, чтобы важные встречи не состоялись, чтобы любовь не случилась, чтобы надежда угасла. А чужие слёзы превращаются в прибыль для богачей из будущего.

Майкл Корд – лучший эмиссар. Сорок семь коррекций, сорок семь уничтоженных судеб, сорок семь жизней, которые он стёр, даже не зная их имён. Он не чувствует боли, потому что давно научился её не чувствовать. Он не помнит себя, потому что стёр себя вместе с другими. Он – идеальный инструмент. Безупречная машина для убийства чужих надежд.

Но однажды он получает контракт, меняющий всё, потому что заказчик – это он сам из 2080 года...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23

Мария Коваленко Пепел Коррекции

Глава 1

Глава 1. Чужие слёзы как прибыль

Город 2050 года не пахнет железом и выхлопами, как в старых голографических фильмах, которые крутят по ночному каналу «Ретро-Нуар». Он пахнет озоном и чужими сожалениями. Небо над Манхэттеном переливалось мутным перламутром – барьерные купола фильтровали ультрафиолет, но пропускали серость, которая оседала на плечах как неви-

димая пыль. Стеклобашня «Коррекции Инвест» торчала из этого полумрака, как игла, воткнутая в шею спящего гиганта. Сорок восьмой этаж. Кабинет Майкла Корда.

Здесь не было привычных мониторов. Вместо них – голографические ленты, которые вились вокруг кресел, как змеи, выдрессированные не жалить, а убеждать. На каждой ленте пульсировали цифры: цена эмоций, котировки сожалений, индекс неслучившейся любви. Брокеры «Коррекции» не торговали нефтью или акциями. Они торговали моментами, которых никогда не было. Стоимость одной разбитой надежды колебалась от трёх до семи тысяч хроно-кредитов в зависимости от глубины чувств жертвы. Майкл знал эти расценки наизусть.

Он сидел в кресле-коконе, обложенный гелевыми подушками, которые считывали его нейроритмы и подстраивались под настроение. Сейчас они были холодными – он выходил из рейса. Воздух в кабинете пах стерильным спиртом и чем-то сладковатым, чем-то, что невозможно описать словами, но легко узнать: это запах чужого будущего, которое только что украли.

– Восстановление через три, две, одна, – проговорил синтезатор женским голосом, который Майкл ненавидел за чрезмерную нежность. – Контакт с реальностью установлен. Отсчёт соматических эффектов: ноль целых семь десятых.

Он открыл глаза.

Потолок кабинета был жидким – миллиарды светодиод-

ных точек имитировали звёздное небо. Но Майкл знал, что это ложь. Настоящих звёзд не видели уже двадцать лет, с тех пор как запустили орбитальные отражатели для борьбы с потеплением. Они отражали солнечный свет обратно в космос, но вместе с теплом отражали и мечты. Теперь люди смотрели только вниз – на свои смартфоны, на свои хроно-импланты, на свои балансы. Он моргнул, и искусственные созвездия погасли, заменившись ровным белым светом. Безликим. Безопасным. Бездушным.

– Время, – хрипло сказал он.

– 14:02. Длительность коррекции: сорок семь секунд реального времени. Эффективность: девяносто восемь процентов.

Майкл не улыбнулся. Высокий процент ничего не значил. Важно было то, что он притащил с собой обратно – чужую тоску, которая осела в груди как свинцовый осадок. Он знал этот вкус: горечь одиночества, смешанная с утренним кофе, который сварили, но так и не выпили. Её звали Клэр. Он даже не запомнил её лица – только ощущение, как она входит в кафе «Красный зонт» в Сан-Франциско 2030 года, с надеждой, что сегодня она встретит кого-то важного. Её пальцы сжимали ремешок сумки, на губах играла робкая улыбка, а в глазах – тот самый свет, который бывает у людей перед судьбоносной встречей. Она купила круассан и уже протянула руку к дверной ручке.

И он, Майкл Корд, профессиональный эмиссар из буду-

щего, позвонил на её мобильный в этот самый момент. Простой звонок с работы. Сказали, что срочно нужно вернуться – начальник, аврал, клиент ждёт. Клэр развернулась у входа и ушла. Её шаги эхом отдались в мокром асфальте, и она даже не оглянулась. А молодой человек, который ждал её внутри – будущий миллиардер Стивен Харрис, пока ещё никому не известный стартапщик с растрёпанными волосами и дыркой на джинсах – прождал полчаса, допил свой латте, оставил чаевые и ушёл в другой конец города. Они никогда не встретились. Брак не состоялся. Детей не родилось. Развода не было. А значит, через двадцать лет Харрис не потеряет половину своей империи на судебных издержках, не будет спать под мостом и не пустит себе пулю в висок.

Заказ выполнен. Клиент доволен. Счёт пополнен на восемь тысяч хроно-кредитов – двойная ставка за срочность. Майкл знал, что эти деньги уже переведены на его счёт. Но он не чувствовал облегчения.

Майкл поставил ноги на пол, и кресло-кокон бесшумно развернулся к нему спинкой. В углу комнаты зажурчал диспенсер – синтетический кофе с добавкой нейростабилизаторов. Он сделал глоток. Вкус был правильным, идеально сбалансированным – как всё в этом здании. Но в горле всё равно стоял ком. Как будто он проглотил чужую слезу и она застряла. Он закашлялся, поставил чашку на стол и увидел, что его пальцы слегка дрожат. Это был не нервоз. Это был «эмоциональный хвост» – побочный эффект, который слу-

чался с эмиссарами, если они слишком близко к сердцу принимали коррекцию. Техника безопасности требовала отключить эмоциональные якоря перед рейсом. Он не отключил. Он никогда не отключал. И каждый раз платил за это ценой, которую нельзя было измерить в хроно-кредитах.

Он ненавидел Клэр. Вернее, он ненавидел то, что сделал с ней. Отнял встречу, которая могла стать смыслом её жизни. Может быть, они бы поженились. Может быть, она бы родила ему детей. Может быть, он бы не стал миллиардером, но был бы счастлив. А может быть, они бы развелись через три года, и она бы покончила с собой. Майкл не знал. Никто не знал. И в этом была главная гниль «Коррекции Инвест»: они не предсказывали будущее. Они просто ставили на более выгодный вариант. И называли это бизнесом.

Но это была работа. Деньги. Стабилизатор времени, без которого его тело начало бы стареть на три года за сутки. Каждый эмиссар носил в вене на запястье маленькую капсулу с хроно-коктейлем – если не обновлять её раз в месяц, клетки начинали ускоряться, кожа морщилась, кости становились хрупкими. Без «Коррекции» он был бы мёртв через полгода. Выбора не было. Или он думал, что выбора не было.

Дверь кабинета открылась без стука. На пороге стоял Алекс – его друг, аналитик «Коррекции», единственный человек, который позволял себе входить без приглашения. Алекс был крупным, с вечной щетиной, глубоко посаженными глазами и въедливым взглядом человека, который пыта-

ется понять, что происходит, но боится узнать правду. На нём была мятая футболка с логотипом старой группы, которую никто уже не слушал, и штаны с пятном от кофе, которое Алекс принципиально не выводил – как протест против стерильности корпоративной жизни. Он стоял, прислонившись плечом к дверному косяку, и смотрел на Майкла с той смесью беспокойства и раздражения, которая была их общей валютой уже десять лет.

– Ты зеленый, – сказал Алекс, закрывая дверь. – Прямо как тот раз, когда ты отменил знакомство Гаррисона с женой. Только хуже. Прямо как после того кейса в Берлине, когда ты заставил девушку уйти из ресторана за две минуты до того, как она должна была встретить отца, которого никогда не видела.

– Стивен Харрис, – поправил Майкл. – А не Гаррисон. И это была не жена. Просто девушка.

– Которая могла стать матерью его детей. Но теперь не станет. – Алекс пересёк кабинет и тяжело опустился в соседнее кресло, которое скрипнуло под его весом. – Ты даже не знаешь, что с ней будет теперь. Может, она встретит кого-то хуже. Может, её убьют через год. Может, она влюбится в алкоголика и разобьёт себе жизнь. Ты ведь не знаешь, да? Ты просто сделал свой звонок и ушёл, как курьер.

Майкл медленно опустил чашку. По стеклянной поверхности стола разбегалась рябь от микро-вибраций – здание дышало, как живой организм. Он посмотрел на Алекса и

впервые за долгое время почувствовал не раздражение, а усталость. Не физическую, а ту, что скапливается в душе, когда слишком долго носишь чужие жизни на своих плечах.

– Ты знаешь правила, Алекс, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Мы не обсуждаем этические последствия. Мы обсуждаем контракты. Так работает система. Ты думаешь, мне нравится? Ты думаешь, я просыпаюсь по утрам и говорю: «Как здорово, сегодня я украду чью-то любовь»? Нет. Я просыпаюсь и считаю дни до того момента, когда смогу выйти из этой игры. Но я не могу выйти, потому что без Стабилизатора я превращусь в старика за месяц. У меня нет выбора.

– Выбор всегда есть, – тихо сказал Алекс. – Ты просто не хочешь его видеть. – Он наклонился вперёд, положив локти на колени, и его голос стал глубже, почти заговорщицким. – Мы продаём слёзы, Майкл. Мы – хроно-проститутки. Самое высокооплачиваемое дерьмо на планете. Сегодня цена печали выросла на семь процентов. Знаешь, почему? Потому что какой-то дегенерат в 2060-м решил, что ему мало радости в жизни, и купил пакет чужих сожалений. Твоих чужих сожалений, Майкл. Клэр будет плакать сегодня вечером, и её слёзы превратятся в прибыль для какого-то жирного ублюдка из будущего, которому скучно в его хрустальном дворце. Он ляжет в кровать, вставит в висок хроно-коннектор и проживёт её горе как сериал. А ты – ты будешь тем, кто создал этот сериал.

Майкл встал. Он был выше Алекса, но сейчас чувствовал себя ниже ростом, ниже по статусу, ниже по совести. Он подошёл к окну – огромной панорамной панели, которая сейчас транслировала вид на город, но с фильтром «закат». Багрово-золотое небо, которого не было в реальности. Под ним простирался Манхэттен 2050 года: небоскрёбы с вертикальными садами, воздушные коридоры для дронов, светящиеся вывески, которые рекламировали новые эмоциональные коктейли. Город светился, переливался, дышал искусственной жизнью. Но Майкл знал, что под этой обёрткой – пустота. Люди разучились чувствовать по-настоящему. Они покупали чувства в магазинах. И он, Майкл Корд, был одним из главных поставщиков.

– Ты хочешь, чтобы я бросил работу? – тихо спросил он, не оборачиваясь. – Чтобы я сдох через две недели от ускоренного старения? Или чтобы у меня отняли лицензию и отправили в чистку памяти, как того парня из пятого сектора, который начал видеть лица своих жертв в зеркале?

– Я хочу, чтобы ты задумался, – Алекс подошёл ближе. Голос его стал глуше, почти шёпотом. Он встал рядом с Майклом, так что их отражения встретились в стекле – два человека, которые работают на машину, перемалывающую человеческие судьбы. – Ты сегодня сделал женщину одинокой навсегда. Ты знаешь, что она будет искать того парня всю жизнь? Она даже не запомнит его имени, но будет чувствовать пустоту. Как будто потеряла что-то важное, но не может

вспомнить, что именно. Она будет просыпаться по ночам с мыслью, что должна была быть на месте, где что-то случилось. Но она не была. Это называется «эмоциональный рубец». Мы называем это «продуктом». Ты ставишь эти рубцы людям за деньги. И я не могу смотреть на это спокойно, потому что ты – мой друг, а не бездушный робот. Ты был другом, Майкл. До того, как начал эту работу.

Майкл молчал. Где-то внутри него, под слоем профессионального цинизма и десятилетней привычки не чувствовать, Алекс был прав. И это было хуже всего. Потому что, если Алекс прав, значит, он не просто делает грязную работу. Значит, он – часть системы, которая медленно убивает человечество. И он не может остановиться. Или не хочет.

На столе зажужжал коммуникатор. Голос начальницы, Вирджинии, сухой и деловой, с лёгким европейским акцентом, который она приобрела после двадцати лет работы в швейцарском офисе:

– Майкл, у тебя новый контракт. Час назад поступил. Приоритет – максимальный. Я переслала данные на твой имплант. Прочитай прямо сейчас.

Майкл моргнул, активируя нейро-интерфейс. Перед глазами поплыли строки – голубые, светящиеся, неумолимые.

«Клиент: Майкл Корд, 2080 г. Тип коррекции: отношения. Задача: предотвратить знакомство с женщиной по имени Нора... или обеспечить его. Решение принимает эmissар на месте. Оплата: двойная. Срок исполнения: 8:14

утра, завтра. Отклонение не допускается. Категория риска: Альфа-парадокс. Эмиссар предупреждён о возможной дезинтеграции».

Майкл замер. Строки дрожали перед глазами, но он не мог отвести взгляда. Собственное имя. Собственное будущее. Женщина по имени Нора. Он никогда не слышал это имя. Или слышал, но забыл. Сорок семь коррекций, сорок семь стираний памяти – после такого не удивительно, что он не помнит собственную жизнь. Он даже не был уверен, что ему тридцать два. Может быть, ему пятьдесят. Может, ему сто. Может, он вообще не человек, а просто набор имплантов и воспоминаний, которые ему скормили.

– Алекс, – сказал он, не оборачиваясь. – Ты должен это увидеть.

Алекс подошёл, заглянул через плечо и прочитал контракт. Его лицо изменилось. Сначала оно стало бледным, потом красным, потом снова бледным.

– Ты шутишь? – выдохнул он.

– Нет.

– Ты хочешь отправиться в прошлое, чтобы... чтобы что? Чтобы встретить себя молодого и отбить у себя девушку? Или помочь себе её найти? Чёрт, Майкл, это же безумие. Это парадокс с одной ногой в могиле. Категория риска «Альфа-парадокс» – это значит, что если ты ошибёшься, ты можешь исчезнуть из реальности. Не умереть, а просто... никогда не родиться. Понимаешь? Ты можешь стереть себя из

времени. Ты станешь тем, кого никогда не было. Даже я тебя не вспомню. Ты – пустота.

– Я знаю, – сказал Майкл. И удивился тому, как спокойно это прозвучало. – Но это просто работа, Алекс. Тысячи таких заказов проходят через систему каждый месяц. Разница только в том, что клиент – я сам, из будущего. Очевидно, через тридцать лет я что-то напутал с этой Норой. Хочу исправить.

– Исправить что? – Алекс почти кричал, но сдерживался – голос дрожал от сдерживаемого гнева. – Ты даже не знаешь, хочешь её найти или потерять! Читай внимательно: «решать эмиссару на месте». Это значит, что ты 2080-го года не помнишь, что тебе нужно. Ты стёр себе память коррекциями, Майкл. Ты – профессиональный самоубийца собственной жизни. Ты даже не знаешь, любил ли ты эту Нору или ненавидел. Ты пойдёшь туда слепым, как кукла, как инструмент, как всегда.

Майкл медленно повернулся к нему. В глазах его горел холодный, спокойный огонь. Он принял решение, даже если оно смертельное.

– Алекс, – сказал он. – Ты помнишь, что я был не всегда таким? Ты помнишь, каким я был до того, как начал эту работу? Весёлым? Живым? Ты говорил, что я умел любить, что я умел смеяться, что я умел плакать. – Он сделал паузу, и его голос дрогнул. – Я не помню этого, Алекс. Я не помню, как смеяться. Я не помню, как плакать. Я умею только чувство-

вать чужую боль и выдавать её за деньги. И если есть шанс узнать, кого я мог бы любить – пусть даже через собственный парадокс – я его не упущу.

Алекс посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом, потом вздохнул, сел в кресло и устало потёр лицо ладонями.

– Ты идиот, – сказал он тихо. – Ты всегда был идиотом, но я тебя люблю, поэтому помогу. – Он достал свой имплант, моргнул, передавая данные на стену. На стеклянной панели появилась фотография. Девушка с рыжими волосами, которые вились на ветру, и глазами цвета мокрого гравия. Она смеялась, прикрывая рот рукой, будто стеснялась собственной улыбки. На фоне – Эйфелева башня, ещё старая, без хроно-защитного купола. 2026 год. Париж. Кафе «Флора».

Майкл смотрел на неё и у него перехватило дыхание.

Его тело, которое привыкло к чужим эмоциям и отключало собственные как опасные помехи, вдруг вскипело. Это было физическое ощущение – как будто его грудную клетку разрывало изнутри. Он не знал эту девушку. Он никогда её не видел. Но что-то внутри него, на уровне клеток, знало её. Что-то древнее, что он похоронил под слоями коррекций. Сердце билось так, что он слышал его в ушах.

– Где она? – спросил он шёпотом. Голос его сорвался, как у мальчишки.

– Париж, 2026 год. Кафе «Флора». Завтра, 8:14 утра. Она будет читать книгу у окна. Или не будет. Зависит от того, что ты решишь сделать. – Алекс отключил проекцию и посмотрел

рел на друга. В глазах его была тоска. – Она красивая, Майкл. Я пробежал по базам: она работала иллюстратором, рисовала книги. Ничего особенного, не миллиардерша, не преступница. Обычный человек. Но, судя по плотности контракта, она для тебя – не просто обычный человек. Она – якорь. Ты держался за неё в будущем. А потом потерял.

Майкл смотрел на пустое место, где только что была её улыбка, и думал: «Почему я никогда не видел тебя, но уже боюсь потерять?»

– Я не хочу, чтобы ты шёл, – сказал Алекс. – Но я знаю, что ты пойдёшь, поэтому слушай. Я взломаю логи системы на два часа – ты сможешь действовать без наблюдения. Но у тебя будет только одна попытка. Если ты ошибёшься, если ты создашь парадокс, который система не сможет исправить... ты исчезнешь. И я не смогу тебя спасти. Никто не сможет.

– Я знаю, – сказал Майкл.

– Ты даже не знаешь, как она выглядит вживую. Может, она тебе не понравится. Может, ты увидишь её и поймёшь, что она не стоит риска.

– Она стоит, – сказал Майкл. И он не знал, откуда это взялось. Но он знал, что это правда. – Я чувствую её, Алекс. Как будто я уже терял её и поклялся себе, что больше не повторю эту ошибку.

Алекс покачал головой, усмехнулся безрадостно и встал.

– Я сделаю, что смогу. Но если ты не вернёшься, я буду пить за тебя каждую пятницу. И проклинать твоё имя за то,

что ты оставил меня одного с этой работой.

Алекс вышел, оставив дверь открытой.

Майкл остался один. Он снова посмотрел на своё отражение в окне – человек в дорогом костюме, с идеальной укладкой, с лёгкой сединой на висках, с глазами, которые видели слишком много чужих жизней, чтобы помнить собственную. Он не знал себя. Он не знал, кто он без работы. Он не знал, умеет ли любить. Или он просто имитирует любовь, как имитирует чужие эмоции в каждой коррекции.

Часы на стене показывали 14:47. До вылета оставалось несколько часов. Несколько часов, чтобы подготовиться к встрече с женщиной, которая изменит его жизнь. Или уничтожит её. Разницы не было.

В углу комнаты снова зажурчал диспенсер, но Майкл не стал наливать ещё одну чашку. Он подошёл к столу, открыл ящик и достал потрёпанный бумажный блокнот – единственную вещь, которую он носил с собой до того, как стал эмиссаром. В нём были записи, которые он делал в первые годы работы: стихи, зарисовки и одно имя, написанное дрожащей рукой – «Нора». Он нашёл эту страницу случайно. Или не случайно. Он вообще не помнил, когда это написал. Но почерк был его – сломанный, неровный, тот, каким он писал до того, как научился быть идеальным.

Он провёл пальцем по буквам, чувствовал шероховатость бумаги и чувствовал, как в груди разгорается что-то, что он давно похоронил. Надежда или страх, или то и другое вме-

сте.

– Кто ты, чёрт возьми, такая, Нора? – прошептал он в пустоту кабинета. – И почему я готов умереть, чтобы тебя не потерять?

Ответа не было. Только гудение города за окном и ровный свет искусственного неба, который не давал ответов, а только подчёркивал тишину.

Но где-то в сорока семи других ветках реальности, в сорока семи вариантах его жизни, Майкл Корд уже предал Нору, отвернулся от неё, выбрал карьеру или страх, или просто глупость. Только этот, сорок восьмой – ещё нет. Только у него есть шанс не повторить ошибку или повторить её навсегда.

На столе зажужжал коммуникатор. Голос Вирджинии, снова – сухой, официальный, без тени сочувствия:

– Майкл, зайди в медицинский сектор до конца смены. Мы введём тебе предрейсовый стабилизатор памяти. Завтрашняя коррекция особенная. Ты должен вернуться чистым – без эмоциональных якорей, без привязанностей. Иначе ты можешь действовать непредсказуемо, а это недопустимо для контракта с категорией «Альфа-парадокс».

– Почему? – спросил он, хотя знал ответ.

– Потому что, – сказала она с паузой, – твой клиент из 2080-го – это ты сам. А ты не помнишь, что тебе нужно. Нам придётся стереть тебе все эмоциональные якоря, чтобы ты мог принимать решения без предвзятости. Это стандартная

процедура для коррекций с высоким риском. Ты сам утверждал её три года назад, если забыл.

Майкл замер. Стереть эмоциональные якоря. Это значило забыть всё, что он чувствовал к кому-либо. Значило превратиться в идеальный инструмент, превратиться в куклу, которая делает свою работу. Это значило забыть Клэр, которую он только что сделал одинокой, забыть Алекса, забыть, кто он такой, и, возможно, забыть Нору, которую он ещё не встретил.

– Нет, – сказал он.

– Что?

– Я сказал «нет», – повторил Майкл, и в голосе его впервые за десять лет работы не было профессиональной вежливости. Была сталь. – Я не пойду на чистку. Я пойду к Норе таким, какой есть. Если я забуду её до того, как её увижу, зачем вообще жить? Если я приду к ней роботом без чувств, что я ей скажу? «Здравствуйте, я из будущего, я должен решить, стоит ли нам быть вместе, но я не помню, люблю ли я вас»?

Вирджиния промолчала. Потом, тихо, почти с сочувствием, которого Майкл от неё никогда не слышал:

– Ты понимаешь, что ставки высоки? Если ты провалишь коррекцию, тебя самого не станет. Не в переносном смысле. В прямом. Ты исчезнешь из истории. Никто не будет помнить, что ты существовал. Даже твои родители, если они есть, даже Алекс – он будет сидеть в этом кабинете и не знать,

почему ему грустно. Ты готов к этому?

Майкл посмотрел на фотографию Норы, которая всё ещё висела на стене, на её улыбку, на её глаза.

– Пусть, – сказал он и выключил коммуникатор. – Пусть.

Он повернулся к Алексу, который всё ещё стоял в дверях, уже собравшись уходить, но задержавшись на его словах. Алекс смотрел на него с выражением, которое трудно было прочесть – смесь страха, уважения и горечи.

– Ты готов заплатить за это жизнью? – спросил он.

Майкл посмотрел на свои руки. Они дрожали. Впервые за долгие годы в них был страх, но в них же была жизнь, как ему показалось.

– Я уже плачу, – сказал он. – Каждый день, когда стираю чужие слёзы, я плачу. Завтра я заплачу за то, чтобы остаться собой, хотя бы на один день, хотя бы для одной женщины.

Алекс не ответил. Он просто подошёл, положил руку на плечо друга и сжал его – крепко, по-настоящему, как будто боялся, что больше никогда не увидит его живым. Потом он хлопнул друга по плечу, развернулся и вышел, оставив дверь открытой.

– Возвращайся, – сказал он уже из коридора. – Кем бы ты ни стал. Только возвращайся.

Майкл кивнул, хотя Алекс его уже не видел.

Он остался один в кабинете, который пах лёгким освежителем и чужими сожалениями, и смотрел на закат, которого не было. За окном башни «Коррекции Инвест» зажигались

искусственные огни. Город 2050-го готовился к ночи, но для Майкла ночь наступала уже сейчас – та, в которой он встретит Нору или потеряет её навсегда. Разницы не было.

Он встал, надел пиджак и вышел из кабинета. В коридоре на стене горел слоган компании, выписанный золотыми буквами: **«Мы не меняем прошлое. Мы делаем его лучше».**

Майкл сплунул в сторону экрана и пошёл к лифту. Завтра он полюбит ту, которую не должен знать или исчезнет навсегда.

Но сегодня, когда он зашёл в свою пустую квартиру на Сто первой улице, он понял одну вещь: он уже любит Нору. Из офиса он принёс домой распечатку той самой фотографии из Парижа 2026-го. Нора смеялась, прикрывая рот рукой. Он взял снимок, провёл пальцем по её лицу, по волосам, по тени от её ресниц. Он не знал, кто она. Но его сердце, которое он считал мёртвым, билось так, будто она уже была его и потеряна навсегда.

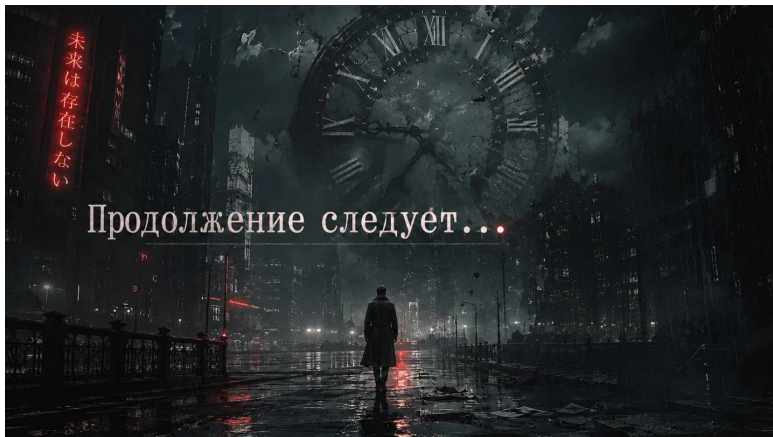
Он прошептал в тишину пустой квартиры:

– Завтра я приду к тебе, Нора. Я не знаю, что буду делать – спасти нашу встречу или разрушать её, но я приду. Потому что даже если я исчезну, я хочу, чтобы один человек на этой планете знал, что его любили. Даже если он не должен об этом знать.

Он положил фотографию на стол, выключил свет и лёг, глядя в потолок, который ничего не отражал.

А где-то за тысячи километров, в Париже 2026 года, ры-

жая девушка по имени Нора рисовала в своём блокноте и не знала, что через несколько часов её жизнь изменится навсегда или навсегда останется прежней.

Продолжение следует...

Глава 2

Глава 2. Инъекция памяти

Ночь в Манхэттене 2050 года была искусственной. Она не наступала – её включали по расписанию, как свет в офисном коридоре. Барьерные купола над городом меняли прозрачность ровно в 22:00, пропуская тьму, но не звёзды. Звёзды были отменены как устаревшая опция. Вместо них по небу скользили рекламные дроны, вырисовывая светящиеся логотипы корпораций – «Коррекция Инвест», «Хроно-Меди-ка», «Эмо-Банк», «Ноосфера». Город спал, но спал тревожно, как пациент перед сложной операцией. Где-то внизу, на

уровне улиц, гремели басы ночных клубов – там продавали не только алкоголь, но и чужие воспоминания. Можно было купить час чужого счастья или десять минут чужой боли. Город торговал эмоциями, и Майкл Корд был одним из главных оптовиков.

Он стоял у окна своей квартиры на Сто первой улице и смотрел на светящуюся паутину города. В руке он сжимал стакан с виски – настоящего, не синтетического, купленного по бешеной цене у чёрных дилеров, которые воровали алкоголь из прошлого. Вкус был горьким, обжигающим, настоящим. В 2050-м настоящего почти не осталось. Всё было подделкой – еда, эмоции, люди. И он сам, Майкл Корд, был подделкой человека.

Он поставил стакан на подоконник и посмотрел на своё отражение в стекле. Человек в дорогой рубашке, с лёгкой щетиной, с глазами, которые слишком много видели, чтобы помнить собственное детство. Он не помнил, когда в последний раз смеялся по-настоящему. Не помнил, когда плакал. Он помнил только чужие слёзы, чужие улыбки, чужие жизни. Сорок семь коррекций. Сорок семь стёртых судеб. И завтра будет сорок восьмая.

Он перевёл взгляд на фотографию, лежащую на столе. Нора. Рыжие волосы, которые вились на ветру. Глаза цвета мокрого гравия. Улыбка, прикрытая ладонью, будто она стеснялась собственного счастья. Он провёл пальцем по её лицу, как делал это уже сотню раз за вечер, и прошептал:

– Кто ты? Почему я не могу тебя забыть, если никогда не помнил?

Ответа не было. Только тиканье хроно-часов на стене – механизм, который отсчитывал время в обе стороны, показывая и прошлое, и будущее. Сейчас они показывали 3:47 ночи. До вылета оставалось меньше пяти часов.

Майкл взял с тумбочки маленькую коробочку – предрейсовый набор, который ему доставили из медицинского центра «Ноосфера». Внутри лежала ампула с прозрачной жидкостью, шприц-автомат и инструкция. «Ретро-амнезин. Для временного подавления личности. Дозировка: 2 мл внутривенно. Эффект: 4 часа. Побочные эффекты: возможны галлюцинации, эмоциональная нестабильность, спонтанные слёзы, временная потеря идентичности. Не рекомендуется к применению без наблюдения врача».

Он усмехнулся. Наблюдение врача. Как будто у него был выбор. Как будто он вообще был человеком, а не инструментом.

Он закрыл коробочку и лёг на кровать, глядя в потолок, который имитировал открытое небо, но только в режиме «ночь». Там, наверху, дрон-рекламщик рисовал надпись: «Исправь своё прошлое уже сегодня! На первую коррекцию – скидка 50%». Майкл выключил потолок и остался в темноте. Так было легче думать.

Он думал о Норе. О том, что его будущее «я» – тот самый старик из 2080-го – не знает, чего хочет. Хочет ли он встре-

тить её или избежать. Хочет ли он любить или бежать. Столько лет коррекций стёрли его личность до основания. Сорок семь раз он входил в чужую жизнь и менял её. Сорок семь раз он возвращался с кусочками чужих душ, прилипшими к его собственной. И теперь его душа была мозаикой, в которой невозможно было разобрать, где он, а где – его жертвы.

Он закрыл глаза и попытался вспомнить что-то своё. Детство. Первый поцелуй. Запах дождя. Но вместо этого в памяти всплывали лица людей, которых он сделал одинокими: Клэр, которая не вошла в кафе; парень из Берлина, который не встретил отца; женщина из Токио, которая вышла замуж не за того, кого любила на самом деле. Все они жили в нём. Все они плакали его голосом.

Майкл повернулся на бок и провалился в сон, который был похож на чужие воспоминания.

Утро наступило в 6:00. Город просыпался с первыми лучами искусственного света – купола становились прозрачными, впуская серое небо 2050 года. Майкл открыл глаза, принял душ, надел костюм, который автоматически подогрелся до комфортной температуры, и вышел из квартиры.

В коридоре его ждал Алекс. Он стоял, прислонившись к стене, с двумя стаканами синтетического кофе. Его глаза были красными – он не спал всю ночь.

– Думал, ты сбежишь, – сказал Алекс, протягивая один стакан.

– Не сбежал, – ответил Майкл, беря кофе. – Ты знаешь, я

всегда довожу дело до конца.

– Это единственное, что я в тебе ненавижу, – усмехнулся Алекс. – Я проверил все логи. Система не знает о твоём рейсе. Вирджиния лично заблокировала доступ к файлу. Она не хочет, чтобы кто-то знал, что ты идёшь на Альфа-парадокс.

– Она боится, что я создам петлю, которая уничтожит корпорацию?

– Она боится, что ты исчезнешь, – тихо сказал Алекс. – И тогда её лучший эмиссар станет просто статистикой. Она не хочет терять прибыль, Майкл. А ты – её самый дорогой актив.

Майкл сделал глоток кофе. Он был пустым, как и всё в этом мире, но всё равно он согревал.

– Пойдём, – сказал он. – Нас ждёт «Ноосфера».

Медицинский центр «Ноосфера» находился в подземном уровне башни «Коррекции Инвест». Его вход был незаметным – обычная стеклянная дверь с надписью «Персонал», за которой начинался длинный коридор, освещённый красными лампами. Красный цвет подавлял агрессию и создавал ощущение защищённости. По крайней мере, так было написано в брошюре.

На самом деле красный заставлял Майкла чувствовать себя так, будто он идёт в утробу. Внутрь себя. Туда, где прятались его настоящие эмоции.

Коридор закончился огромным залом – стерильно-белым, пахнущим антисептиком и чем-то сладковатым. В центре

стояло кресло, похожее на стоматологическое, но с множеством проводов и датчиков. Вокруг него сустились двое медсестёр в синих костюмах и пожилая женщина в белом халате – Вирджиния.

Она была первым корректором в истории. Теперь она уже не работала в поле – слишком стара, слишком много коррекций отзывались на её теле. Её лицо было идеально гладким, без единой морщины, но глаза выдавали возраст. В них была глубина, которую невозможно подделать. Она видела слишком много чужих жизней и, возможно, свою собственную – в каждой ветке реальности. Сейчас она стояла у кресла и смотрела на Майкла с выражением, которое трудно было прочесть.

Рядом с ней стоял молодой человек в белом халате – доктор Элиас Вогель, глава медицинского отдела «Ноосферы». Он был лет тридцати, с идеально уложенными светлыми волосами и холодными голубыми глазами. В отличие от Вирджинии, он улыбался – но улыбка его была профессиональной, отточенной до совершенства. Он держал в руках планшет и что-то быстро печатал, не поднимая глаз.

– Майкл Корд, – сказал он, когда Майкл вошёл. – Легенда. Сорок семь успешных коррекций. Ноль ошибок. И ты решил пойти на Альфа-парадокс. Я должен сказать, что это впечатляет. Или это безумство. Я ещё не решил.

– Элиас, – сказала Вирджиния холодно. – Мы здесь не для того, чтобы оценивать. Мы здесь для подготовки.

– Конечно, – кивнул Элиас, наконец поднимая глаза. Он посмотрел на Майкла с любопытством, которое граничило с профессиональным цинизмом. – Я просто хочу понять, что движет человеком, который готов стереть себя ради женщины, которую он даже не помнит. Это романтика? Или клинический случай?

Майкл посмотрел на него. Что-то в этом враче его раздражало – его лёгкость, его отстранённость, его уверенность в том, что он знает всё о человеческой психике.

– Это не твоё дело, – сказал Майкл.

Элиас улыбнулся шире.

– Ошибаешься. Моё дело – убедиться, что твой разум не распадётся на части, когда мы введём ретро-амнезин. Я отвечаю за твою психику, Майкл. И если ты сломаешься, это будет моя проблема. Так что давай начнём с того, что ты сядешь в кресло и перестанешь геройствовать.

Майкл хотел ответить, но Вирджиния прервала его:

– Садись. Время идёт.

Он сел в кресло. Оно было мягким, обволакивающим, как кокон. Датчики тут же прилипли к его вискам, груди, запястьям. Мониторы зажужжали, показывая его жизненные показатели: пульс 82, давление 130 на 80, нейроактивность – повышенная.

– Ты нервничаешь, – заметил Элиас, глядя на экран. – Это плохо. Нервный эмиссар делает ошибки. Ошибки в Альфа-парадоксе стоят жизни. Хочешь, я дам тебе успокоитель-

ное?

– Нет, – отрезал Майкл.

– Как хочешь, – пожал плечами Элиас. – Но если ты начнёшь паниковать в прошлом, твой имплант может перегрузиться, и тебя вышвырнет в реальность с разрывом нейронных связей. Это означает, что ты не вспомнишь, кто ты. Вообще. Ничего. Ты станешь овощем. Я должен был предупредить.

Майкл вздохнул. Он знал это. Он знал все риски. Но слышать их от этого холодного врача было особенно неприятно.

– Я не нервничаю, – соврал он.

– Конечно, – кивнул Элиас. – Ты просто сидишь в кресле с пульсом 90 и зрачками, расширенными как у наркомана. Это признаки спокойствия.

– Элиас, – резко сказала Вирджиния. – Прекрати.

Элиас поднял руки в примирительном жесте и отошёл к консоли.

– Я просто делаю свою работу. Ты готов, Майкл?

Майкл кивнул.

Элиас нажал кнопку, и из кресла выдвинулись дополнительные фиксаторы – они обхватили его запястья, лодыжки, шею. Безопасность или тюрьма. Майкл не знал, как это называть.

– Мы начнём с инъекции ретро-амнезина, – сказал Элиас, беря шприц-автомат. – Это подавит твою личность на время эмиссии. Ты не будешь помнить себя. Ты будешь чистым со-

судом для сознания из будущего. Технически ты не будешь Майклом Кордом. Ты будешь функцией и инструментом.

– Я знаю, – сказал Майкл.

– Хорошо. Сейчас я введу препарат. Ты почувствуешь холод, потом тепло, потом ничего. Не бойся, если начнутся галлюцинации – это нормально. Твоё подсознание будет пытаться сохранить себя. Оно будет показывать тебе воспоминания, которых у тебя нет. Не сопротивляйся. Просто смотри.

Элиас поднёс шприц к вене на запястье Майкла. Игла вошла легко, почти безболезненно. Холодная жидкость потекла по венам, и Майкл почувствовал, как его тело начинает расслабляться, как будто он тонет в тёплой воде.

– Смотри на экран, – сказала Вирджиния. – Это твоя цель.

На стене загорелась фотография Норы. Та самая – с Эйфелевой башней, с улыбкой, прикрытой ладонью. Рыжие волосы, глаза цвета мокрого гравия. Майкл смотрел на неё и чувствовал, как что-то внутри него сжимается. Он не помнил её. Но его тело помнило.

– Что это? – спросил он, касаясь мокрого лица. – Я не плакал десять лет.

– Это она, – сказала Вирджиния без эмоций. – Твоё тело помнит то, что стёр разум. Нора – не просто женщина. Она – твой эмоциональный якорь. Ты держался за неё в будущем, пока не потерял. И теперь твоё тело плачет по ней, даже если ты не знаешь, кто она.

– Интересно, – сказал Элиас, глядя на мониторы. – Нейро-

активность в лимбической системе зашкаливает. Твоё подсознание знает её. Оно помнит её даже сильнее, чем ты помнишь себя. Это говорит о глубокой эмоциональной связи, очень глубокой. Ты любил её, Майкл, по-настоящему. Или она причинила тебе такую боль, что ты стёр её из памяти, чтобы выжить.

Майкл хотел ответить, но слова не шли. Мир перед глазами начал расплываться. Фотография Норы поплыла, стены стали мягкими, голоса отдалились, как эхо в тоннеле.

– Помни правила, – донеслось до него. – Два часа в прошлом. Никаких радикальных действий. Только мелкие изменения – фраза, движение, падение предмета. Главное – изменить намерение. Ты должен изменить намерение того человека, который там будет. Не его поступок. Его намерение. Понимаешь?

Майкл кивнул, хотя голова уже почти не слушалась.

– И ещё, – голос Элиаса стал серьёзным, почти предупредительным. – Мы получили сигнал из 2080 года. Твой клиент – ты сам – передал дополнительное сообщение. Он сказал: «Если я встречу её, я уже предал её в сорока семи вариантах. Сорок восьмой – мой последний шанс. Не дай мне ошибиться и не дай мне убежать. Если я начну уходить – удержи меня силой, потому что я всегда убегаю. Всегда».

Майкл хотел спросить, что это значит, но мир погас, и он провалился в темноту.

Он не знал, сколько времени прошло. Он лежал в пустоте,

где не было ни света, ни звука, ни боли. Только голос — его собственный, но старше, глубже, разбитый годами и потерями. Голос из 2080-го.

— Ты не знаешь, что делать, — говорил тот голос. — Я тоже не знаю. Я стёр себе память, чтобы не чувствовать боли. Но теперь я не помню, что любил. Ты должен вспомнить за меня. Ты должен выбрать за меня. И если ты ошибёшься... ты исчезнешь. Но я уже исчез. Так что... выбери что-нибудь. Хоть что-нибудь. Только не беги, пожалуйста, не беги.

Майкл хотел ответить, но не мог. Сознание разлетелось на осколки, и каждый осколок нёс его в другое время, в другое тело, в другую жизнь.

Он падал в прошлое.

Он падал в Париж 2026 года.

